

К у т а и с с к и е э с к и з ы

Б е ж а н Н А М И Ч Е И Ш В И Л И

Юмористические

«Хозяин, жена у меня
заболела...»

Раинди Горгодзе, живший в городе Кутаиси в семидесятых годах прошлого века, приехал в Москву. В Кутаиси он работал директором знаменитого магазина «Ткани», что у центрального парка в самом центре города. Он не владел большим состоянием, но был человеком небедным. Что имел — тратил не жалея, тратил красиво. Был меценатом, помогал служителям искусства, писателям, спортсменам. Но по своим возможностям.

Одним словом, в отличие от прочих торговцев (хотя его нельзя было назвать торговцем) скупым не был. Жил на широкую ногу. Любил застолье, весёлое времяпрепровождение. Дружил и с врагами, и с доброжелателями. Особенно стремился общаться с известными людьми, их чаще — приглашал к себе. Иногда слишком усердствовал в этом деле, по две недели бывал в загулах. Что поделаешь, все мы люди. А человек слаб. Даже очень талантливые имеют эту слабость. Но всё проходит, проходят и загулы, а жизнь продолжается, как и у всех.

Хотелось бы отметить, что кутаисцы дружат с юмором и шутками, и Раинди Горгодзе тоже не чужд этому. По натуре он немного авантюрист, но в рамках дозволенного.

...Итак, Раинди Горгодзе приехал в Москву. Вышел из вестибюля гостиницы «Советская» (одной из престижных гостиниц столицы, где останавливались президенты, премьер-министры и послы) и направился к автомобилю, который обслуживал членов Политбюро и премьер-министров, а вот первого заместителя председателя Совета министров обслуживал уже неохотно.

Не будем темнить, а скажем прямо, что сказал Раинди водителю: «Сейчас из гостиницы выйдут две женщины в каракулевых шубах и в бриллиантах. Я их встречу и подведу к твоей машине. Ты выйдешь, отворишь дверцы и пригласишь женщин занять место в салоне.

— Знаю, знаю, инструктировать не нужно. Куда едем и сколько платишь?

— Здесь рядом, в Концертный зал имени Чайковского. Это стоит три рубля, я тебе плачу двадцать пять. Деньги отдаю сразу, но с условием: когда мы соберёмся выходить из машины, ты в присутствии дам спросишь меня: «Хозяин, во сколько завтра приехать?». А я отвечу: «Как всегда, без двадцати девять». И всё. Ты поедешь по своим делам, а мы — по своим.

— Не базар! — водитель дал понять, что делает как надо.

...Когда подъехали к Концертному залу им. Чайковского и машина остановилась на углу, женщины приготовились было выходить. Водитель по правилам этикета должен был первым покинуть машину, открыть дверь и помочь выйти, подав руку. Но он не спешил... В машине повисла неловкая пауза. На лице у водителя читались волнение и тоска. Он обратился к Раинди:

— Хозяин, утром во сколько за вами захватить?

— Как всегда, без двадцати девять, — ответил Раинди, как и договаривались.

Но водителю этого показалось мало, и он продолжил:

— Хозяин, у меня жена заболела, извините, что говорю вам об этом, но врач выписал ей дорогое лекарство и ещё много чего надо купить. Не могли бы вы мне до полочки одолжить пятьдесят ру-

блей (это были большие деньги), очень извиняюсь, но другого выхода нет...

Что оставалось Раинди? Ведь с ним были женщины... Из внутреннего кармана пиджака он достал кошелек, оттуда вынул пятидесятирублёвую банкноту и отдал «несчастному водителю до полочки».

Перевод
Марины Переясловой

Требовательный
руководитель

В молодые годы поэта Зураба Кухианидзе решили назначить директором кутаисского Дворца пионеров.

Его кандидатура была представлена первому секретарю горкома, все пребывали в ожидании ответа партийного босса. И в эти беспокойные дни глава кутаисского писательского цеха Давид Квициридзе вдруг выразил сомнения: а насколько Кухианидзе требователен на посту руководителя организации?

— С какого перепугу ему быть требовательным? — сразу взвился на это один из сотрудников. — Кухианидзе в жизни не был не то что руководителем — он ни дня не проработал в учреждении даже рядовым сотрудником! И что, и от кого он должен требовать?!

Но неожиданно для всех именно эта информация возымела обратное действие: Зураб Кухианидзе был назначен на пост директора Дворца пионеров. И оказался руководителем весьма требовательным. В особенности это касалось одной сотрудницы, соблазнительной, надо признать, особы...

Тебе придётся
сделать выбор!

Живёт в деревне Сакартия хороший человек — Тенгиз Баршвили, по профессии врач-кардиолог. И у самого-то сердце золотое, да вот какая закавыка (язык не повернётся назвать это свойство недостатком) — мимо наполненного вином стакана или рюмки, до краёв налитой хоть коньячком, хоть водочкой, пройти равнодушно не может. И бывает, угощается так часто, что по друзьям да по знакомым продлевает экскурсии и два-три дня без роздыху, и четыре, и неделю, и другую...

Дети у него — ангелочки вылитые, супруга Тамара — красавица, любой обзавидуется, и поведения примерного, скромница, каких поискать. Хирург она по специальности, к такой на операцию как на праздник пойдёшь, даже если не болит, не беспокоит ничего — только чтобы в руках её оказаться...

Но какая жена одобрит беспорядное пьянство? В один прекрасный день чаша терпения Тамрико переполнилась. Она покидала вещи в чемодан, наскоро передела детей и вызвонила такси. В ожидании машины в сердцах заявила Тенгизу: «Ухожу к маме! Выбирай: или я, или вино!». Произнесла эти страшные слова, Тамрико захлопнула дверь и застучала каблучками по лестнице.

Ситуация накалилась. Разумеется, не всё в таких случаях протекает шито-кры-

Автор скульптуры Темура ШАКАЛДЗЕ

то. Через пару дней у мамы Тамрико собралась свекровь-тёщи, тети да свёкры, девери да шурины, дядюшки да тётушки. И другие родственники приплелись, и соседи-доброжелатели подтянулись. И все на приехавшего с повинной Тенгиза как бараны на новые ворота уставились — шутка ли! Человек должен был сделать выбор всей своей жизни: или ангелоподобная супруга, или вино! Тамрико или вино — выбирай сейчас!

Все ждут его решения, а у него язык заплетается. Нет, не совсем от выпитого вина, на этот раз, просто волнуется очень Тенгиз-горемыка, и похмелье свою мучительную дань берёт. Ну чем тут поступиться, и та, и то ведь дороже жизни, а тут или любимая жена, или любимое вино, выбирай сейчас!

— Тамрико! — пробормотал наконец Тенгиз. — Меня не устраивает такая постановка вопроса: «выбирай сейчас!».

— А какая постановка тебя устраивает?! — орлицей взвилась ангел Тамрико.

— Ну, если уж так необходимо принять твёрдое решение, тогда...

— Да что тогда, клещами из тебя вытягивать?!

— Тогда... Тогда... не СЕЙЧАС выбирай, а ПОДЧАС выбирай — ПОДЧАС ты, а ПОДЧАС вино...

Экспромт
Зураба Кухианидзе

Почти уж тридцать лет назад в СССР развернулась такая мощная кампания против пьянства и алкоголизма (можно ли придумать что-то оскорбительнее для грузина, знатока и любителя застолий?), что от борьбы той пух и перья летели — и правых, и виноватых... А Грузия всегда любила поперёк батьки в пекло лезть, всегда отличалась особым артистизмом. Вот и комсомольские вожаки выступили с инициативой устраивать безалкогольные свадьбы. Нет, вы представляете себе грузинскую свадьбу без стакана (о рогах и вазах я уж не говорю!) — просто без единого стакана вина?! (изыди, сатана, избави меня и во сне от такого зрелища, Господи!)... Ни о чём другом не говоря, это просто святотатство! Чистой, нет здесь больше подойдёт — грязной воды святотатство, кощунство, богомерзкое лицедейство!

В те времена в Крыму и вовсе всех перецеголяли. «Укротить коня — слабо, только разломал седло» — гласит народная мудрость. Вот по этой образной формуле

всё у них и вышло. Ринулись рубить виноградники, эти Богом благословенные, благороднейшие творения, уничтожили в кратчайшие сроки сотни гектаров. Боролась с лозой, как с ненавистным захватчиком — не на живот, а на смерть. И не только топором... На московских улицах, сам видел, отборный крымский виноград продавался по 10 копеек кило — чтобы как можно больше унижить «кровь Христа».

Рассказывали мне и о трагедии в горном селении, где отец справлял поминки по сыну, вернувшемуся в родную деревню в цинковом гробу из Афганистана. На скорбную трезну явился участковый и потребовал убрать со столов вино. Отец попытался смягчить ситуацию, приглашал разделить горе, помянуть не успешного распознать вкус жизни мальчика... Но участковый был непреклонен. Он приладил шланг к бензобаку своего гаишного автомобиля и пустил струю горячего в котёл с ритуальным шилаплавом, стоявшим во дворе на огне. Тогда, ни слова не говоря, отец покойного вошёл в дом, вынес охотничье ружьё и пустил пулю в лоб энтузиасту и радетелю новой безалкогольной морали.

Но вернёмся к нашему рассказу. В это беспросветное для любителей застолий время кутаисский горком комсомола проводил какой-то семинар в высокогорном курорте Шови. На семинар был приглашён и Зураб Кухианидзе, известный поэт — для повышения «рейтинга» мероприятия (раньше это называлось проще — свадебный генерал). Разумеется, от молодёжной организации, выступившей с инициативой безалкогольных свадеб, — никаких напитков в рамках проводимого ею семинара. Зураб Кухианидзе едва не потерял рассудок — хоть весь Шови обойдётся, даже пива не найдёшь...

И вот как-то пасмурным утром в ещё более пасмурном настроении прогуливался семинарист Зураб Кухианидзе по сильно пересечённой местности. И на одной из горных троп встретил стайку юных комсомольцев. Те, завидя любимого поэта, подбежали, шебеча трафаретные фразы: «Как поживаете, господин Зураб, как вам отдыхается, хорошо ли спите по ночам?».

Пожевав губами, поэт изрёк:

Даже пива в Шови нет,
И не мил мне белый свет,
Нет ни водки, ни вина,
Семинар мне на хрена?!

Перевод
Владимира Саршвили